

Тенор Булахов — чудо первопрестольной

Двести лет назад родился Петр Александрович Булахов. При этом имени что-то всколыхнется в душе едва ли не каждого русского человека. Но не оформится ни в образы, ни в слова. Как будто забыто вместе с этим именем что-то хорошее и дорогое.

Фамилию Булаховых возродили романсы его старшего сына Петра Петровича. Если бы не он, вряд ли бы вспомнили мы круглую дату певца, не знавшего юбилеев ни при жизни, ни после смерти.

Уже при жизни Булахова коснулось забвение, а прожил он всего 42 года. Сначала театральные власти забыли о человеке, который еще совсем недавно был главным магнитом московской оперной сцены. Хотя публика помнила о нем еще полвека, пресса жила уже другими именами и интересами.

Имя П. А. Булахова когда-то и в самом деле вспыхнуло на московском горизонте яркой звездой. На волне национального подъема после победы над Наполеоном юный певец появляется как солист частного шереметевского хора и сразу становится знаменитым в обеих столицах России. Когда прусскому королю захотелось увидеть настоящее русское искусство, Александр I показал ему дивертисмент «Семика, или Гуляние в Марьиной роще», где блистал Булахов.

Его голос считали чудом первопрестольной, бархатный, золотистый, он

лился, как ручей, звенел, как червонец. Москвичи ходили наслаждаться Булаховым и в церковь, где он пел, и на народные гулянья. А с 1821 года начинаются аншлаги в Большом театре, где он в течение 11 лет — бесспорный премьер, исполнитель главных теноровых партий, самый высокооплачиваемый артист. И это при том, что в это время на сцене играли такие великие актеры, как Щепкин и Мочалов. Но о них написаны десятки книг и статей, а много ли вы читали о Булахове?

Высоко ценили булаховское пение и его знаменитые итальянские партнеры по сцене и концертным дуэтам — Филис, Марджиолетти, Този, Каталани, Зомбони. Слушая Булахова рядом с этими певцами, иностранные гости сожалели, что он не поет в Италии — там он наверняка снискал бы славу лучшего тенора Европы. Однако Булахову хватало и той, которой он пользовался

в родной Москве. Популярностью этой он больше всего был обязан дивертисментам. Это были своеобразные приманки для публики, праздники мастерства, вольные состязания талантов. В дивертисменте выступали лучшие силы театра с самыми эффектными, коронными номерами. В чем-то дивертисмент напоминал эстрадно-театрализованный концерт с несложным сюжетом и ярким названием: «Гуляние 1 мая в Сокольниках», «Цыганский табор», «Новый полет воздушного шара с парашютом». Тогда без дивертисмента не обходилось ни одно народное гулянье, ни один оперный спектакль. Оперный певец Булахов не имел себе равных и в этом эстрадном жанре. Здесь не нужно было изображать королей, разбойников и злодеев. Здесь он пел от себя, изливал свою душу, исполнял романсовые новинки, в том числе своего сочинения, русские песни и современные городские. Сначала он непременно брал за душу протяжным и печальным напевом, а потом, стряхнув тоску и горе, переходил на удалую и веселую. И это всегда приводило публику в восторг. Еще бы! Ведь здесь творчество певца шло навстречу главной особенности русского национального характера.

В одном из дивертисментов Булахов впервые исполнил «Черную шаль» Верстовского. Успех был ошеломляющий, а результаты — неожиданные. Дирекция запретила Булахову исполнять

эту балладу где-либо, кроме театра. Навсегда запомнилось москвичам и первое исполнение Булаховым алябьевского «Соловья». Публика еще слишком хорошо помнила судьбу декабристов, в ссылке находился сам Алябьев. Сочувствовать изгнанникам было запрещено. Но задушевное пение Булахова вызвало даже у самой запуганной публики горячие слезы запретного сострадания.

Булахов еще при Александре I сумел почувствовать себя вольным художником, легендарным баловнем судьбы, любимцем публики, готовый простить ему любую слабость, даже огрехи. И вдруг с приходом нового царя все, чего достиг он своим талантом, утратило силу. Отныне поощрялись не любимцы славы, а послушные театральные рабы. Тонкому, впечатлительному артисту этого было достаточно для душевного слома, для трагедии. Казалось бы, кому мешал замечательный певец, дружелюбный человек, прекрасный семьянин. Но именно художнику дороже всего обходится невзгля. До него дух новой власти уже испытывали и Веневитинов, и Дельвиг, а после него Пушкин и Лермонтов.

Сейчас, глядя издали на эту эпоху русской культуры, мы привычно называем ее «золотым веком». Золотом своего голоса и своей души эту характеристику оплечивал и П. А. Булахов.

Елена и Валерий
УКОЛОВЫ.